

Балаховская Александра Сергеевна

МАЛОИЗВЕСТНОЕ ЖИТИЕ ИОАННА ЗЛАТОУСТА X ВЕКА

В статье рассматривается малоизвестный памятник византийской агиографии середины X века "Житие св. Иоанна Златоуста" анонимного автора. Это житие представляет большой интерес как по своему содержанию и литературным качествам, так и по тому влиянию, которое оно оказало на дальнейшее развитие агиографии епископа константинопольского Иоанна Златоуста. Основное внимание в статье уделяется анализу историко-литературных особенностей жития и его места в агиографической традиции Иоанна Златоуста.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-2/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. II. С. 35-38. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82-1/-9

Филологические науки

В статье рассматривается малоизвестный памятник византийской агиографии середины X века «Житие св. Иоанна Златоуста» анонимного автора. Это житие представляет большой интерес как по своему содержанию и литературным качествам, так и по тому влиянию, которое оно оказало на дальнейшее развитие агиографии епископа константинопольского Иоанна Златоуста. Основное внимание в статье уделяется анализу историко-литературных особенностей жития и его места в агиографической традиции Иоанна Златоуста.

Ключевые слова и фразы: византийская агиография; житие; редакция; заимствование; переложение; менологий.

Балаховская Александра Сергеевна, к. филол. н.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

a.balakhovskaya@gmail.com

МАЛОИЗВЕСТНОЕ ЖИТИЕ ИОАННА ЗЛАТОУСТА X ВЕКА[©]

Изучение агиографии епископа константинопольского Иоанна Златоуста (ок. 349-407) представляет собой большой интерес. Первые агиографические памятники, посвященные этому святому, были созданы в начале V века, а окончательная редакция его жития, содержащаяся в менологии Симеона Метафраста, относится к концу X века. Таким образом, агиографическая традиция Иоанна Златоуста является своеобразным литературным срезом, демонстрирующим особенности развития византийской агиографии на протяжении пяти столетий.

Однако не все агиографические сочинения, посвященные Иоанну Златоусту, достаточно хорошо изучены. Если такие произведения, как «Диалог с Феодором, римским диаконом о житии блаженного Иоанна, епископа константинопольского, Златоуста» Палладия Еленопольского [17], «Надгробное слово» Иоанну Златоусту Псевдо-Мартирия Антиохийского [15], «Житие св. Иоанна Златоуста» Псевдо-Георгия Александрийского [10, р. 69-285], «Житие св. Иоанна Златоуста» Никиты Пафлагонского [19] нашли подробное освещение в научной литературе [2; 3; 4; 5; 7; 16; 18], то о «Житии св. Иоанна Златоуста», относящемся к середине X века и принадлежащему анонимному автору, существуют лишь краткие упоминания в научной литературе, хотя оно, во-первых, весьма любопытно по своему содержанию, а во-вторых, оказало влияние на дальнейшее развитие агиографии Иоанна Златоуста.

Таким образом, цель настоящей статьи заключается в том, чтобы познакомить читателя с этим интересным, но малоизученным литературным памятником, задачей же статьи является рассмотрение его историко-литературных особенностей и определения его места в агиографической традиции Иоанна Златоуста.

«Житие» Анонима было опубликовано в начале XVII века энтузиастом, издавшим полное собрание творений Иоанна Златоуста, сэром Генри Сэвилем [8]. Это произведение было создано в середине X века в Константинополе, автором же его был неизвестный монастырский священник или даже настоятель одного из монастырей в Константинополе [6, vol. 1, р. XXXV].

«Житие» Анонима, как и многие другие византийские агиографические произведения, не является оригинальной авторской работой в современном смысле этого слова. Хорошо известен тот факт, что в Средние века византийские агиографы, составляя жития святых, использовали уже существующие версии, создавая их переложения [12].

Анонимный автор «Жития св. Иоанна Златоуста» не был в этом отношении исключением. Поэтому дать оценку созданному им памятнику можно, предварительно определив, на какие сочинения своих предшественников он опирался и какую роль заимствованные им фрагменты этих сочинений играли в общей литературной ткани произведения.

Какие же версии жития Иоанна Златоуста были положены в основу произведения Анонима? В их число входят «Надгробное слово» Псевдо-Мартирия Антиохийского (начало V в.), «Житие св. Иоанна Златоуста» Псевдо-Георгия Александрийского (сер. VII – начало VIII в.), «Похвальное слово св. Иоанну Златоусту» императора Льва VI Мудрого (IX в.), посвященные Иоанну Златоусту агиографические произведения Космы Веститора (VIII-IX вв.), «Житие св. Иоанна Златоуста» Никиты Пафлагонского (начало X в.), а также, по нашему предположению, легендарные сказания об Иоанне Златоусте, возникшие в VIII-IX вв. [1, с. 211-244].

Во вступлении к житию Аноним так характеризует свою работу: «Итак, мы, собрав самое важное и самое славное из всех них (*из более ранних сочинений об Иоанне Златоусте – А. Б.*), в которых то одно, то другое не имело образа, составили для боголюбивых настоящее сочинение во славу Божию и в память святого» [8, р. 293₃₅₋₄₀]. (*Перевод всех фрагментов агиографических текстов принадлежит автору статьи – А. Б.*) Таким образом, автор видел свою задачу не просто в новом переложении какой-то более ранней версии жития Иоанна Златоуста, а в том, чтобы соединить в своем сочинении все самое интересное, яркое и выдающееся из того, что написано об этом святом.

И действительно, обзор, содержащихся в «Житии» заимствований, свидетельствует, что Аноним успешно справился с той задачей, которую он перед собой поставил. Поскольку небольшой объем статьи не позволяет подробно рассмотреть все отрывки, которые анонимный автор включил в состав своего произведения, остановимся на наиболее интересных из них.

Очень показательными являются заимствования из «Надгробного слова» Псевдо-Мартирия Антиохийского – произведения, заключающего в себе уникальную информацию о деятельности Иоанна Златоуста в Константинополе, содержащего острую критику церковной и государственной политики и по этой причине не получившего впоследствии большой известности [14, p. 133; 16, p. 478-483].

Знаменателен и сам по себе факт обращения анонимного агиографа к этому неизвестному в предыдущей агиографической традиции Иоанна Златоуста сочинению, знаменательны и те его фрагменты, которые были включены в созданный им памятник.

В одном из этих фрагментов описана история строительства Иоанном Златоустом больницы для прокаженных [15, p. 90₁₄-93₂₀]. Этот эпизод не упоминается ни в одном из других агиографических сочинений, посвященных знаменитому константинопольскому епископу, между тем, в нем рассказано об одном из наиболее значительных деяний Иоанна Златоуста. Анонимный автор сумел увидеть это и найти повествованию о строительстве больницы место в своем произведении [8, p. 336₂₉-337₁₄].

В другом фрагменте, заимствованном из «Надгробного слова» [Ibidem, p. 364₅₋₂₃], изображена встреча Иоанна Златоуста сонмом святых у дверей рая [15, p. 44₁₇-46₁₄]. Это одно из самых трогательных и, в то же время, одно из самых риторически выразительных описаний, содержащихся в «Надгробном слове», к которому Аноним прибегает, чтобы прославить почившего святого.

В «Житие» Анонима включен интересный фрагмент, заимствованный из энкомия Космы Веститора на перенесение мощей Иоанна Златоуста [11, с. 66-67], в котором повествуется о том, как клирики с далеких океанических островов уже после кончины святого пришли в Константинополь для решения догматических вопросов и сообщили, что из книг Священного Писания им известны только Евангелие и Апостол, а из святоотеческих творений – лишь сочинения Иоанна Златоуста [8, p. 321₅₋₁₆].

Этот упоминаемый только в сочинениях Космы Веститора отрывок играет важную роль в повествовательной ткани «Жития», поскольку в нем подчеркнута вселенское значение проповеднической и миссионерской деятельности прославленного константинопольского епископа.

Отметим также любопытный фрагмент из «Жития» Никиты Пафлагонского, который также вошел в состав «Жития» Анонима. В нем говорится об Иоанне Златоусте как литургисте: снизошедши к немощи своей паствы, он сократил весьма длинную литургию апостола Иакова, сведя ее к кратким, Богом внушенным словам [19, fol. 108^{v2-r1}].

Таким образом, из каждого использованного им памятника Аноним выбрал те фрагменты, в которых подчеркнута уникальность святого. Соединенные вместе в одном произведении, они дают образу Иоанна Златоуста, по сравнению с более ранними агиографическими сочинениями, новое измерение. В одно и то же время он и защитник прокаженных, и вселенский миссионер, и создатель нового текста литургии.

В еще большей степени уникальность Иоанна Златоуста как святого подчеркивается в тех отрывках «Жития», которые написаны на основе легендарных повествований позднего происхождения и не использованных другими агиографами епископа.

В одном из них рассказывается о том, что знаменитый ритор Ливаний, учитель Иоанна Златоуста, в присутствии императора Юлиана Отступника произнес, что его ученик своими познаниями в философии и риторике превзошел самих Платона и Демосфена: «...никто из язычников, отличившихся мудростью, не превзошел Иоанна, ни <...> всеми признанный в философии Платон, ни получивший силу в риторике Демосфен» [8, p. 296₂₆₋₂₉]. Если здесь Златоуст характеризуется как ритор и философ, то в другом отрывке он описывается как богослов, превосходящий всех прочих церковных отцов и учителей и, прежде всего, своего предшественника на константинопольской кафедре, знаменитого Григория Назианзина.

Однажды, как повествуется в «Житии», епископ константинопольский Григорий Назианзин не смог истолковать отрывка из Священного Писания и получил откровение, что это может сделать только Иоанн Златоуст, в то время еще антиохийский пресвитер. Когда же император Феодосий I спросил у знаменитого епископа, что тот может сказать об Иоанне Златоусте, он ответил, что Иоанн своими толкованиями Священного Писания впоследствии покорит себе весь мир [Ibidem, p. 318₃₂₋₃₅].

Рассказ об этом эпизоде завершается авторской сентенцией о том, что если все церковные учителя единодушно высказывают какое-либо мнение, которое расходится с точкой зрения Иоанна Златоуста, то следует предпочесть его точку зрения: если все другие единодушны относительно какого-то понимания сказанного, а великий истолковал бы то же самое иным образом, его толкование следует поставить выше [Ibidem, p. 318₄₁₋₄₃].

Привлекает к себе внимание еще один фрагмент «Жития» Анонима, в котором описана миссионерская деятельность Иоанна Златоуста, достигающая вселенского масштаба. Согласно анонимному автору, христианское просвещение благодаря Златоусту простерлось не только на финикийцев кельтов и скифов, как об этом говорится в более ранних житиях святого [10, p. 135-136; 19, fol. 107^{v1-r2}], но и на Тир, Сидон, Эмессу, Кизик, Персию, готов, гуннов, иверийцев, аланов и абхазов, вплоть до края земли [8, p. 320₁₈-321₂₃].

Это повествование согласуется с рассказом, заимствованным из энкомия Космы Веститора, о приходе в Константинополь клириков с далеких океанических островов и дополняет его. Таким образом, в «Житии» Анонима утверждается главенствующая роль Иоанна Златоуста в деле христианского просвещения Ойкумены.

Наконец, обратимся к фрагменту, в котором рассказывается о явлении Иоанну Златоусту Божией Матерью и апостолов Андрея и Стахия, основателей Церкви Византия, того города, на месте которого впоследствии был построен Константинополь. В «Житии» повествуется, что явившиеся Иоанну Златоусту апостолы привели его на прекрасно возделанное цветущее поле, орошенное влагой. Внезапно Иоанн увидел яркий свет и явившийся в этом свете многочисленный и блистающий сонм святых, среди которых находилась Божия Матерь, предвозвестившая Иоанну мученическую кончину [Ibidem, p. 338¹³⁻²⁶].

В чем смысл рассказа о явлении Златоусту апостолов? Часто в агиографических произведениях для того чтобы возвысить какого-либо святого, указывается его причастность к узкому кругу учеников Христа [9, p. 54]. Поскольку Иоанн Златоуст не был современником Иисуса Христа и апостолов, он не мог быть изображен как непосредственный член апостольского сообщества. Поэтому агиограф вставляет в «Житие» повествование о явлении Иоанну апостолов Андрея и Стахия, чтобы подчеркнуть его особенные отношения с ними и указать на его исключительное положение среди прочих епископов константинопольских.

Итак, в «Житии» Анонима Иоанн Златоуст изображен как выдающийся ритор, философ, богослов, литургист, миссионер, экзегет и пастырь. Он не находит себе равных ни среди античных мудрецов, ни среди отцов и учителей Церкви. Перед нами уникальная фигура, по всем своим качествам стоящая выше всех прочих святых. Таким образом, это произведение занимает особое место среди других редакций жития Иоанна Златоуста, отражая кульминационный момент развития его культа и являясь высшей точкой развития его агиографии.

Произведение анонимного автора оказало влияние на последующее развитие агиографии Иоанна Златоуста. Несколько отрывков из него включено в анонимный энкомий на перенесение мощей Иоанна Златоуста [10, p. 499-523]. Сочинение Анонима послужило источником и для компилятивного жития Иоанна Златоуста конца X – начала XI века [Ibidem, p. 402-428], а также основным источником [1, с. 252-257] для жития святого, вошедшего в менологий Симеона Метафраста (конец X века) [13, col. 1046-1209].

«Житие св. Иоанна Златоуста» из менология Симеона Метафраста является окончательной редакцией жития святого. Нашли ли в ней отражение характерные особенности «Жития» Анонима, бывшего ее источником? Сравнительный анализ обоих текстов показывает, что в «Житие» Метафраста в качестве заимствований включены нейтральные фрагменты из «Жития» Анонима, а наиболее колоритные описания, содержащиеся в нем, опущены [1, с. 274].

Таким образом, литературные особенности «Жития» Анонима, делающие его наиболее ярким агиографическим произведением позднего периода, созданным в честь Иоанна Златоуста, были проигнорированы редактором метафрастового «Жития», а сам памятник был незаслуженно забыт.

Список литературы

1. **Балаховская А. С.** Иоанн Златоуст в византийской агиографической традиции (V-X вв.). М.: Тезаурус, 2013. 300 с.
2. **Aengenvoort F.** Der Dialog des Palladius über das Leben des heiligen Joh. Chrysostomus: Bericht über das Schuljahr 1912-1913 des Collegium Augustinianum zu Gaesdonk 3-16. Münster, 1913. S. 1-16.
3. **Antonopoulou Th.–Paschalidis S.** Έλα αλέθορο θεϊκελο ηες κεζ οβσδαηηλή αγρι ογίας: ο Βίος ηος Χρσζοζηόκοσ ηος Νιθήηα Παθι αγόλος // Λογία θαι δεκώδες γρακκαηία ηος ει ι αδηθύ Μεζ αίωλα. Θεζζαι οληθή 2002. Σ. 111-122.
4. **Baur Ch.** Georgius Alexandrinus // Byzantinische Zeitschrift. 1927. Vol. 27. P. 1-16.
5. **Baur Ch.** S. Jean Chrysostome et ses oeuvres dans l'histoire littéraire: Recueil de travaux publiés par les membres des conférences d'histoire et de philologie. 18 fascicule. Louvain – Paris, 1907. 312 p.
6. **Baur Ch.** St. John Chrysostom and His Time: in 2 vols. Westminster, Maryland: Md. Newman Press, 1959-1960.
7. **Butler C.** Authorship of the Dialog de Vita Chrysostomi // Chrysostomica. Studi e ricerche intorno a s. Giovanni Crisostomo a cura del comitato per il xv o centenario della sua morte I-III. Rome: Libreria Pustet, 1908. P. 35-46.
8. **Chrysostomi opera omnia:** in 8 vols / ed. H. Savile. Eton, 1612-1613. Vol. 8. P. 293-371.
9. **Delehaye H.** The Legends of the Saints. An Introduction to Hagiography. Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press, 1961. XVI. 253 p.
10. **Douze récits byzantins sur saint Jean Chrysostome** / publiés par F. Halkin. Bruxelles: Société des Bollandistes, 1977. 562 p.
11. **Κοζμᾶ Βεζήηωρος ανέκδοηα ἐγκώμια εις ηὴν ἀνακομιδὴν ηοῦ λειψάνοσ ηοῦ ἐν ἀγίοισ παηρὸσ ἡμῶν Ἰωάννοσ ηοῦ Χρσζοζηόμοσ** // Ἐπεηηριζ Ἐηρηείας Βσδαηηηλᾶ Σποσδῶλ / ed. K. I. Dyobouniotis. Αζήλαη 1925. Τ. 2. Σ. 50-83.
12. **Metaphrasis. Redactions and Audiences in Middle Byzantine Hagiography** / ed. by Ch. Høgel. Oslo: The Research Council of Norway, 1996. 82 p.
13. **Migne J.-P.** Patrologiae graecae cursus completus: in 161 vols. Paris, 1857-1866. Vol. 114. Col. 1046-1209.
14. **Ommeslaeghe F., van.** Chrysostomica. La nuit de Pâque 404 // Analecta Bollandiana. Bruxelles, 1992. T. 110. P. 123-134.
15. **Ommeslaeghe F., van.** De lijkrede voor Johannes Chrysostomus toegeschreven aan Martyrius van Antiochie. Tekstuitgave met Commentaar Hoofdstukken uit de istorische Kritiek: PhD diss. Louvain, 1974. XI. 322 p.
16. **Ommeslaeghe F., van.** La valeur historique de la Vie de S. Jean Chrysostome attribuée à Martyrius d'Antioche (BHG 871) // Studia Patristica. Berlin, 1975. Vol. 12. P. 478-483.
17. **Palladios.** Dialogue sur la Vie de Jean Chrysostome / introduction, texte critique, traduction et notes par A-M. Malingrey et Ph. Leclercq // Sources Chrétiennes. Paris: Les éditions du Cerf, 1988. T. I. 451 p.
18. **Paschalides S. A.** Νιθήηας Δαβιδ Παθι αγόλ. Το πρόζωπο θαι ηο ἐργο. Σκεβοι ἡ ζηε κει ἐηε ηες προζωπογραθίας θαι ηες αγρι ογιθῆς γρακκαηείας ηες προκεησθραζηηθῆς περηθσοσ // Βσδαηηηλᾶ θεϊκελα θαη κει ἐηηη Θεζζαι ολίθε: Κέληρο Βσδαηηηλᾶ Ἐρεσδῶλ, 1999. 351 ζ.
19. **Vita a. Niceta Philosopho.** Cod. Thessalonic. Βι αη. 4. Saec. XI. Fol. 77-155.

UNFAMILIAR HAGIOGRAPHY OF ST. JOHN CHRYSOSTOM OF THE X CENTURY

Balakhovskaya Aleksandra Sergeevna, Ph. D. in Philology
Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
a.balakhovskaya@gmail.com

The article considers an unfamiliar monument of Byzantine hagiography of the middle of the X century – “A Hagiography of St. John Chrysostom” of an anonymous author. This hagiography is of great interest both in its content and literary qualities and in the impact which it made on the further development of hagiography of the bishop of Constantinople John Chrysostom. The paper pays special attention to the analysis of historical and literary peculiarities of the hagiography and its place in the hagiographical tradition of John Chrysostom.

Key words and phrases: Byzantine hagiography; hagiography; version; borrowing; exposition; menology.

УДК 811.111

Филологические науки

В статье рассматривается имплицитность как одно из важнейших свойств языковых категорий. Лингвистические единицы и категории обладают большим имплицитивным потенциалом, который не только позволяет обогащать их смыслом, но и добиваться определенных коммуникативных целей, среди которых воздействие на сознание реципиента, в том числе и публицистического текста, на материале которого проведено исследование.

Ключевые слова и фразы: дискурс; имплицитность; имплицитная информация; коннотация; языковая игра; граммема.

Барышева Алёна Ивановна

Башкирский государственный университет
bai765@yandex.ru

ИМПЛИЦИТНОСТЬ КАК СВОЙСТВО ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ И КАТЕГОРИЙ[©]

Проблема существования имплицитной информации обсуждается в лингвистике и логике уже почти столетие. Если в середине XX века тезис о существовании имплицитности подвергался сомнению, то в настоящее время имплицитность становится объектом внимания представителей целого ряда наук, в том числе и лингвистов. В 2010 году состоялась международная конференция «Текст и подтекст: поэтика эксплицитного и имплицитного» (Москва) [10], посвященная имплицитности в тексте; ранее, в 1999 году, вышел сборник научных трудов «Имплицитность в языке и речи» (Москва) [6], в котором представлен ее полипарадигмальный анализ. В данной статье мы рассмотрим имплицитность как свойство языковых единиц и категорий.

Многолетние исследования показали, что лингвистические единицы и категории обладают большим имплицитивным потенциалом, который, актуализируясь в определенных условиях, позволяет не только обогащать их смысловыми «приращениями», но и добиваться определенных коммуникативных целей, в частности оказывать воздействие на сознание реципиента публицистического текста, на материале которого мы проводим исследование.

Среди исследователей нет единого понимания сущности имплицитности в языке. Так, К. А. Долинин понимает под имплицитностью «то содержание, которое прямо не воплощено в узуальных лексических и грамматических значениях языковых единиц, составляющих высказывание, но извлекается или может быть извлечено из последнего при его восприятии» [5, с. 43]. Ю. С. Мартемьянов и Е. Г. Борисова определяют имплицитную информацию как «ту информацию, для получения которой требуются усилия слушателя, не сводимые к сопоставлению языковым единицам их значений (т.е. «опознанию» единиц в тексте)» [6, с. 10]. Наибольшим потенциалом для передачи имплицитной информации обладает лексика.

Возникновение имплицитной информации возможно вследствие актуализации потенциальных компонентов лексического значения. Эта актуализация требует определенных усилий со стороны воспринимающего человека, поэтому можно считать ту информацию, которую он получает благодаря «опознанию» латентных признаков лексического значения, имплицитной. Так, в статье «Почем нынче игрушки для папуасов» автор высказывается следующим образом: «То есть наши французские “партнеры” начали обращаться с нами, как с папуасами» [13]. По данным толкового словаря, «папуасы» – это «коренное население Новой Гвинеи и некоторых других островов Меланезии» [8, с. 423]. В то же время денотативный компонент данного значения имплицитно содержит признак «отсталый», вследствие чего оказывается возможным подобное сравнение. В итоге сравнение нас, россиян, с папуасами «высвечивает» новую, скрытую оценку России со стороны французских разработчиков, комплекующих для авиационной промышленности: «Россия серьезно отстала в своем развитии от стран Европы, с ней можно не считаться».